

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 173.3; 124.5; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338

Супружеские отношения в современной культуре: ценностный и правовой аспекты

¹ Золотухина-Аболина Е.В., ² Тюрин К.А.

¹ Южный федеральный университет

Россия, Ростовская область, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, зд. 105/42

² Южно-Российский гуманитарный институт

Россия, 344082, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, д. 108/1

elena_zolotuhina@mail.ru; Kirillturin161@gmail.com

Аннотация. Цель работы – анализ противоречий культуры супружеских отношений в современном обществе. Исследование выполнено в русле методологии комплексного социокультурного подхода. Супружество рассматривается как основа коммуникативного опыта семейной жизни. Масштабная задача укрепления института семьи как традиционной духовно-нравственной основы российского общества наталкивается на противоречие нормативной составляющей брачных отношений мужчины и женщины и их ценностного аспекта. Автором раскрываются причины данного противоречия. Показано, что идеалы равенства и свободы самоопределения закладываются в массовые представления о том, что составляет содержание семейной жизни и ее ядра – союза мужчины и женщины. Ценностный аспект семейности и супружества в соответствии с неолиберальным феминистским дискурсом трактуется в категориях «гендерного партнерства». Дана критическая оценка перспективы проецирования идеологии и смыслов подобного партнерства на супружество, так как в его основе лежат не критерии нравственного совершенствования семейности, а личного успеха и самоутверждения.

Ключевые слова: семья, культура супружеских отношений, брак, право, ценность, самосознание, феминизм, гендер, партнерство, равенство

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В., Тюрин К.А. 2024. Супружеские отношения в современной культуре: ценностный и правовой аспекты. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 329–338. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338

Marital Relations in Modern Culture: Value and Legal Aspects

¹ Elena V. Zolotukhina-Abolina, ² Kirill A. Tyurin

¹ South Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

² South Russian Institute for the Humanities

108/1 Krasnoarmeyskaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

elena_zolotuhina@mail.ru; Kirillturin161@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to analyze the contradictions of the culture of marital relations in modern society. The study is based on the methodology of complex socio-cultural approach. Marriage is considered as the basis of communicative, ethical and aesthetic experience of family life. At present, the state has set a large-scale task of strengthening the institution of family as a traditional spiritual and moral basis of Russian society. Its solution is faced primarily with the contradiction of the institutional

framework of marriage relations between a man and a woman and their value aspect. The author reveals the main reasons for this contradiction. The ideals of equality and freedom of self-determination are embedded in mass perceptions of what constitutes the content of family life and its core - the union of a man and a woman. This happens at the level of upbringing and absorption by the younger generation of images cultivated in the mass media. The value aspect of family life and matrimony in accordance with the neoliberal feminist discourse is interpreted in the categories of "gender partnership". As a result of the research, the article critically assesses the prospects of projecting the ideology and meanings of such a partnership onto marriage, as it is based not on the criteria of moral perfection of family life, but on personal success and self-assertion.

Keywords: family, marital culture, marriage, law, value, self-consciousness, feminism, gender, partnership, equality

For citation: Zolotukhina-Abolina E.V., Tyurin K.A. 2024. Marital Relations in Modern Culture: Value and Legal Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 329–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338

Введение

Сегодня в нашей стране развитие и всестороннее укрепление института семьи рассматривается как ключевое условие сохранения национальной культуры и обеспечения суверенитета общества и государства перед лицом различных внешних угроз. Именно в семье происходит формирование ценностной платформы индивидуального мировоззрения, его связи с приоритетами общественно-исторического развития в целом (их принятие или отталкивание). Поэтому интерес к семье со стороны власти и общества, равно как и со стороны гуманитарных наук, оправдан и актуален. Важно не просто заботиться о семье в материальном и правовом (политическом) смысле слова, не просто укреплять ее жизненную «инфраструктуру». Сегодня очевидной является проблема снижения культурного статуса и «ранга» семьи в массовом сознании, ориентированном на критерии личного жизненного успеха, карьерного или творческого роста, благополучия, гедонизма и комфорта. Можно ли решить данную проблему, оставаясь в пределах понимания семьи как института, нагруженного определенными функциями?

Как известно, 2024 год в нашей стране по решению главы государства объявлен годом семьи, а в Послании Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. Президент В.В. Путин предложил интегрировать различные усилия со стороны общества и государства по поддержке семьи, материнства, детства в единый новый национальный проект «семья» [Путин, 2024]. Важно, что речь идет не только о правовых формах укрепления, не только о мерах финансового, жилищного, социального обеспечения. Впервые на официальном уровне именно *ценностный аспект* семейной жизни провозглашен в качестве его главного измерения. С этим и связана *проблема*, составляющая предмет исследования предлагаемой статьи.

Обеспечиваемое современным социально ориентированным государством (и не только в нашей стране) *правовое* закрепление супружеских отношений устанавливает определенное *равенство* мужчины и женщины в качестве мужа и жены. Данное равенство маркирует статусно-ролевую нагрузку, систему взаимных прав и обязательств. В сознании широкого круга населения возникает абберрация: из внешнего условия развития семейной жизни (семейности) правовое обеспечение и сопровождение превращается в содержание внутрисемейных супружеских отношений. *Возникает противоречие между правовой и ценностной составляющими супружеских отношений* (и семейной жизни в целом). Именно оно во многом препятствует гармонизации внутрисемейной жизни. На уровне права и мужчина и женщина равны в качестве его субъектов (при прочих равных условиях), но отражает ли такое нормативное равенство ценностные градации в обществе и в сознании самих людей? Может ли современная женщина быть удовлетворенной собственной социально, юридически считываемой идентичностью на уровне семьи? Этот же вопрос можно адресовать и любому мужчине.

Супружеские отношения: право на равенство

Без вступления в близкие отношения мужчины и женщины очень трудно себе представить появление новой семьи. Для нуклеарной семьи – самой массовой в современном мире – отношения, возникающие вследствие правового института брака, вообще являются определяющими, базовыми (потому как прежние, сословные, общинные и иные структуры, утратили свою функциональность). Простое сожительство («рядом-жительство»), по меткому выражению И. А. Ильина [1996, с. 145]) мужчины и женщины в современных условиях еще не дает объективные основания для того, чтобы правовой статус каждого в отдельности как-то изменился. Если мужчина и женщина удовлетворены сожительством, значит ценности личного наслаждения и успеха неизмеримо выше ценностей классической семейности [Дифрейн, 2018]. И если с юридической точки зрения здесь особых проблем нет, то на уровне личного восприятия мужчины и женщины между добрачными связями и брачными есть существенная дистанция именно в плоскости ценностного значения таких отношений. Брак воспринимается в качестве определенного жизненного «порога», и далеко не всегда его оценка самим вступающим в него человеком зависит лишь от чувств и иных экзистенциально окрашенных мотивов. Дело не только в том, что брак может быть «по любви» и не «по любви». Наличие правового русла совместной жизни оказывается фактором, способным изменить ценностное восприятие брака супругами и ожидания/требования, возникающие в связи с наступлением нового правового статуса (в равной мере и мужчины и женщины по отношению друг к другу, а возможно и по отношению к другим родственникам) [Olson, 2018].

Можно по-разному интерпретировать близость представителей двух полов, делая акцент то ли на естественной природной составляющей брака, то ли на его социальной семантике, экономической и даже политической составляющей (напомним, что в классической философии возобладало понимание «нравственно-правовой природы» семейной жизни [Гегель, 1990, с. 210]). В современной социологии и юриспруденции брак как союз мужчины и женщины рассматривается как главная ступень в образовании новой семьи. Различные вариации неполной семьи рассматриваются нередко как аномалии и, в зависимости от того, на какой исходной теоретической и идеологической позиции находится познавательная модель семьи, данные аномалии то ли маркируют кризис традиционной семьи и семейных ценностей, то ли, напротив, статистически индицируют появление новых форм и типов семейной жизни [Тоффлер, 1999, с. 352; Гидденс, 2005, с. 156].

Подчеркнем, что сама тема правового статуса семьи, правового обеспечения равенства супругов звучит наиболее масштабно в рамках т. н. гендерных дискуссий, ссылающихся часто на ключевые идеи феминизма, а также модные на Западе практики создания нетрадиционных форм «новой семьи» [Дифрейн, 2018]. Тема правового равенства внутри семьи часто сопрягается с такими аспектами, как гражданские свободы личности, поиск идентичности (в том числе в сексуальной сфере [Гидденс, 2004, с. 202]), обеспечение комфортной психологической атмосферы жизнедеятельности и т. п. Супружеские отношения в их объективированной институциональной форме рассматриваются не как этап или путь к определенному *нравственному идеалу* личности, связанному фундаментальными ценностями и потребностями (любовь, взаимная помощь, бытийная творческая близость с другим, ценность и продолжение самой жизни и иное). Во главу угла ставится идея самоутверждения «я», обретения «подлинной» женской/мужской идентичности и ценность общественно предоставляемой площадки в виде института брака для реализации именно таких смыслов.

Супружество и семья: норма и ценность (институциональные реалии современной России)

В нашей стране основы правового статуса супругов как фундамента семейной жизни прописаны в *Семейном кодексе РФ*, нормы которого в последние годы были дополнены и уточнены с учетом требований самого общества по восстановлению и укреплению

традиционной ценностной платформы. Так, в частности, за пределы нормативного поля официально выведены однополюсные отношения, а также возможность установления родительских прав представителями одного пола, что отвечает исконной традиции семейного домостроительства прошлого, а также, что еще более важно, способствует укреплению нравственной составляющей жизни всего общества через формирование ценностных ориентиров подрастающего поколения.

Обращаясь к Семейному кодексу РФ, видим, что супружеские отношения позиционируются исходя из принципа равенства обоих супругов во всех основных сферах и вопросах совместной семейной жизни (в этом равенстве видится также и смысл брачного договора). В частности, статья 31 Семейного кодекса РФ гласит: «1. Каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. 2. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно исходя из принципа равенства супругов. 3. Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей» [Семейный Кодекс РФ, web]. Дальнейшее содержание данного официального документа регламентирует имущественные отношения между мужем и женой, также устанавливая их равенство как исходный принцип.

Прежде чем ответить на главный вопрос – способствует ли институциональное нормативное закрепление статуса супругов и их равенства формированию ценностной основы совместной жизни и, соответственно, несет ли правовая платформа сама по себе основы духовного здоровья семьи и общества, его суверенитета, – охарактеризуем ключевые особенности супружеских отношений, прописанные нормативно.

Во-первых очевидно, что сам термин «супружество» не имеет какого-то автономного содержания, собственного объема понятия, независимого от юридического или социологического. В повседневной жизни, в публичном коммуникативном пространстве, в нормативных документах и большинстве социально-психологических исследований семейной жизни содержание понятия «супружество» принимается «по умолчанию» как очевидное, известное и опирающееся в первую очередь на нормативный статус *брака*.

Во-вторых, отношения супругов нормативно представляются в качестве *ядра семейной жизни*. Вступление в общественно одобряемые и нормативно зафиксированные отношения мужчины и женщины является единственно возможным основанием появления в социуме его новой «ячейки» – новой семьи. Именно супружество создает основание для последующего развития семьи – появления детей и обретения мужем и женой социального статуса родителей.

В-третьих, на наш взгляд, основной аспект супружеских отношений, прописанный нормативно, и который одновременно является общественно (государственно) признаваемым *ценностным* измерением отношений между мужчиной и женщиной, вступивших в официальный брачный союз, – это *равенство* мужа и жены. Именно тезис о равенстве применительно к внутрисемейным отношениям является в современном обществе наиболее дискуссионным (как в контексте неолиберальных лозунгов «новой морали», так и в русле поиска оснований обновления консервативной стратегии социального строительства).

Наконец, в-четвертых, значимость семьи закрепляется на институциональном уровне не просто как красивая идея, лозунг или дань традиции. Определенное отношение к семье мужчины и женщины, вступающих в брачный союз, закрепляется в качестве *условия*, при котором нормативно созданная и функционирующая семья получит поддержку и всеобщее признание со стороны государства и иных публичных институтов. С точки зрения культуры семьи и эволюции традиционных семейных ценностей данный аспект можно рассматривать как проявление установки на *семьецентризм*.

Характерные для отечественного законодательства формы закрепления семейной жизни и самой семьи как социальной единицы, как субъекта правоотношений и хозяйствующей деятельности на фоне общемировых тенденций развития семейного законодательства и самой культуры семьи не являются каким-то радикальным исключением. Российскую и западную правовые платформы семейной жизни сближает: 1) признание огромной роли права как ключевого инструмента регуляции семейных отношений (внутрисемейных и внешних связей семьи с обществом и иными институтами); 2) полагание принципа равенства как исходного в правовом закреплении института семьи и каждого его члена в плоскости внутрисемейной коммуникации. А вот в толковании сущности равенства, а также границ применимости права в решении семейных споров и иных вопросов (например, воспитания) начинаются разночтения. Для современного западноевропейского сообщества характерна неолиберальная модель женского/мужского поведения и общения. Она тесно связана с общим постмодернистским пафосом сетевой культуры цифровой эпохи [Шляпников, 2023], с т. н. феминизмом (как общей установкой на поиск собственной «женской» идентичности, независимой от роли женщины в патриархальном и постиндустриальном обществе [Эллиот, 2001]) и различными концепциями «гендерной идентичности». Европейский юрицизм имеет ярко выраженный аксиологический нейтралитет.

Для отечественного правового регулирования семейной жизни и супружеских отношений в частности характерно, что право рассматривается как средство, как инструмент, способствующий возрождению системы традиционных семейных ценностей, но не детерминирующий его исчерпывающим образом. Восстановление традиционной ценностной основы семейности прямо отрицает ряд положений европейской модели, таких как ювенализм, признание официального статуса однополых семьи и возможности установления родительских прав представителями одного пола. Тем не менее и в российском обществе имеется ряд противоречий и проблем, разрешение которых должно способствовать укреплению внутренней опоры семейной жизни.

Равенство или партнёрство?

Тема отношений мужа и жены – одна из самых популярных в современном коммуникативном пространстве. Различные теоретические и обывательские вариации ее толкования наполняют сегодня и социальные сети, и страницы модных журналов, занимают немалую долю времени «прямых» эфиров и различных «ток-шоу», становятся сюжетами телевизионных сериалов. В массовой культуре интерес к личной жизни, к «закулисью», во многом удовлетворяет жажду интересного и подогревается самими СМИ, в том числе в виртуальном пространстве. Истории семейных пар и особенно их разрушений (например, тема супружеской измены) – один из самых привлекательных и ликвидных медийных «товаров», спрос на который аналогичен спросу на экстрим.

Хорошо это или плохо по отношению к современному российскому обществу, если учесть, что сама семья рассматривается на официальном уровне как важнейший носитель и ретранслятор фундаментальных ценностей государственного значения? Является ли такой повышенный интерес к семейной жизни отражением интереса к ценностям семейной жизни, к основам психоэмоциональной и душевной гармонии в отношениях между мужем и женой, между родителями и детьми (представителями разных поколений)? Если на эти вопросы отвечать с позиций либеральной феминистской идеологии, то подобный медийный «поворот к семье» подтверждает укрепление в общественном сознании, в культивируемых образах и клише идеологии *партнёрства*, которое, фактически, подменяет нравственное измерение семейности и ее традиционную семантику.

Современные тенденции развития отношения между мужчиной и женщиной отличаются явным стремлением придать им характер *публично рассказываемой истории*,

дополненной яркими фото- или видео иллюстрациями в аккаунтах. Причем, в таком стремлении преобладает отнюдь не нравственная составляющая, отнюдь не желание общественного суда или одобрения. *Демонстрируемая автобиография* имеет мало общего с опытом нравственного самосознания (если проецировать идеи классической философии на современный коммуникативный опыт в сетях). Публичная огласка семейных, супружеских «тайн» заключает в себе два момента: возникает эффект замещения (или компенсации) личной ответственности общественной оценкой, оправданием и, второе, самое главное, публикация *истории отношений* на самом деле исключает возможность *диалога* (возможность встречного вопроса) – общая особенность виртуальной коммуникации, когда другое «я» не наделено никакими моральными и уж тем более бытийными полномочиями (они просто редуцированы на уровень «комментария» и их критическая энергия почти равна нулю) [Щавлева, 2024]. Диалог исключается не только в отношении сторонних «читателей» (любопытно подглядывающих зрителей), но прежде всего в отношении самого партнера – мужа или жены, бывшего или настоящего. В такой демонстрируемой личной жизни всякое «личное» в действительности *сознательно обесценивается* с целью снижения морального «градуса» потребительского отношения к супружеству.

За этой тенденцией стоит отмеченное противоречие ценности и права. Статус малой семьи, опирающейся на связь мужа и жены, в рамках индустриальной культуры городского типа необходимым образом должен был получить правовое закрепление. Иначе такое миниатюрное «общество» не получило бы возможность быть *автономной* производственной и коммуникативной единицей. В таком институциональном закреплении сложившейся практики отношений мужа и жены уже содержалось их равенство, которое, независимо от культурных (идеологических, философских) оценок роли женщины в обществе, ее *освобождения от патриархата, но для работы* в системе массового производства, было столь же востребовано, как и сама форма брачного союза. В западном обществе связь создания супружеской пары с обретением равенства в правах женщины и мужчины стала обретать черты ценности, аккумулирующей в себе значимые смыслы не только в социально-экономической или сугубо юридической плоскости, но и *внутри* самой семейной жизни [Olson, 2018 et al.]. Вот в чем, по-видимому, состоит причина переноса идеи равенства на уровень личного самосознания супругов *друг по отношению к другу*.

В нашей стране в советское время в период активной урбанизации такое рассогласование первоначально практически минимизировалось вследствие подмены ценностей семейной жизни ценностями определенного уровня потребления, быта, городского комфорта и т. д. И сегодня моделирование повседневности часто доминирует над семейностью [Шарова, 2023]. Равенство рассматривалось как возможность равного доступа к определенным благам. Только смена нескольких поколений в совокупности с крушением прежнего социально-политического устройства в конце XX в. привела к тому, что обретенные родителями в свое время блага и предпочтения перестали рассматриваться как достижение, превратились в нечто такое, что уже не ассоциируется молодыми людьми с необходимостью обустройства именно семейного очага. Надо честно признать, что сегодня и в российском обществе популярны лозунги о «гендерном партнерстве», которые, что самое интересное, пытаются адаптировать к идее укрепления института семьи и ценности семейного образа жизни. Попытки извлечения из институционального режима равенства супругов в семье содержания отношений супругов как партнеров лишь усугубляют кризис ценностей семейной жизни.

Категория «партнерство», излюбленная во многих феминистских текстах современности [Римашевская и др., 2009; Захаров, 2007; Надолинская, 2008; Номеровская, 2015; Scott, 2001], вряд ли подходит для адекватного выражения состояния единства мужа и жены как состояния нравственного, чувственно-эмоционального, любовного (и сексуального). О партнерстве, безусловно, можно говорить в том случае, если речь идет

о сфере совместного бизнеса, какого-то творческого или научно-исследовательского проекта, о совместном авторстве или наличии общего делового контракта. И таких реальных семейных историй, когда муж и жена оказывались успешными партнёрами в искусстве или науке, известно немало. Но такое партнерство, в котором действительно супруги равны не только в своем правовом (брачном) статусе, но и в каких-то профессиональных успехах, может лишь дополнять семейную культуру, но не может ее подменять. *Семейность – это не атрибут партнерства.*

Посредством такого публично культивируемого образа партнера сегодня многие, особенно молодые, семейные пары (или только готовящиеся к вступлению в официальный союз) пытаются позиционировать собственную идентичность. И вот что важно: подобное «свободное» самоопределение мужчины или женщины как партнера, вступающего в *отношения* с другим (таким же партнером) отнюдь не ведет к зарождению собственной индивидуальной семантики *семейной пары* «муж + жена» (без которой смысл брака сводится к наличию всем известного «штампа»). Всякие нравственные критерии здесь исключаются и их место занимает один-единственный показатель – *«успех на личном фронте»* (а этот фронт может быть каким угодно – финансовым, чувственно-гедонистическим, просто игровым, состязательным и т. д.).

Если посмотреть на модные приемы коммуникации супругов или просто пар в качестве партнеров, то очевидно, что почти вся современная массовая культура, особенно ее медийная и сетевая составляющие, направлена на весьма однозначную *стилизацию* таких партнерских отношений. Мода на стиль – характерная черта современности [Тоффлер, 2004]. Практически каждые юноша или девушка сегодня говорят о наличии в текущем или прошедшем времени определенных отношений с партнером. *Состоять в отношениях – это стильно.* И в таком качестве «гламурного» стиля жизни, выражающего индивидуальный «профиль», отношения явно далеки от какого-то нравственного измерения, а также от состояния и чувства глубокой и подлинной *любви*. Вряд будут прочными и долговечными партнерские отношения мужчины и женщины; вряд ли мужчина/женщина могут состоять в *партнёрских отношениях с любимым* человеком. Ибо подлинное человеческое чувство есть *опыт*. Любовь, дружба есть живой опыт. В этом опыте переплетаются борьба, обретения, потери, творчество и многое-многое другое. Характерная деталь современного молодежного коммуницирования: в случае разрушения связи с партнером принято говорить не об утрате любимого, близкого (другого человека), а об утрате отношений.

Гендерное партнерство и гендерные отношения как пропагандируемый формат новой семейной жизни и нового типа отношений между мужчиной и женщиной в конечном счете являются результатом трансляции идеологии равенства как культурной максимы позднего модерна и постмодерна. Кроме того, эти паттерны и форматы стали неизбежны в условиях эволюционирования городского типа малой семьи, статус и почва которой носят именно институциональный нормативный характер. «Борьба за равенство – это всегда борьба против семьи. Ведь семья отвечает за воспроизведение как внутренней, так и внешней асимметрии в отношениях» [Больц, 2014, с. 89]. Ценностный выбор не может быть осуществлен лишь внутри дихотомии равенства или партнерства.

При всем этом надо понимать, что простая отмена идеи равенства супругов или партнерского формата семейной связи сама по себе не приведёт к преодолению кризиса ценности семейной жизни. Союз мужчины и женщины как основа любой семьи должен уйти от равенства как предпосылки, а также от партнерства как идеала самовыражения. Культурные смыслы супружества и его ценность заключаются отнюдь не в стратегии самоутверждения, хотя и мужчина и женщина (она в еще большей степени в качестве матери) могут и часто реально рассматривают вступление в брак именно как определенный опыт самовыражения. Через вступление в брачный союз индивид получает исторически узаконенную возможность обретения особой формы собственного существования, закрепляющей индивидуальность как условие собственного общественного утверждения и признания. Достичь такой гармонии можно только в семье.

Заклучение

Суть проблемы восстановления системы традиционных ценностей, прямо связанных с культурой семьи, лежит не в правовой плоскости. Отношения мужчины и женщины как основа любой семьи в своем эволюционировании, конечно, не могут оставаться абсолютно неизменными. Объективные условия существования современной городской семьи, связанной с общением и производством на новейших технологических площадках, неизбежно навязывают свои правила и нормы жизни. Возрождение ценностной основы супружества и семейности не должно увеличивать риски превращения этих ценностей в некий мираж. Любая ценность, и так исторически было всегда, вырастает на почве определенного коллективного или индивидуального опыта. Ее объективация и перевод в нормативное русло выступает итогом довольно высокого уровня *самосознания* общества. Реалии жизни современных супругов и семьи таковы, что именно правовые рамки и формы порой оказываются единственным универсальным средством разрешения внутрисемейных конфликтов. По-видимому, в обществе в целом должна быть переосмыслена безальтернативность правовой регуляции семейных отношений. В этом случае укрепление семейности будет связано с активизацией поиска иных оснований равенства супругов, не связанных с их нормативным статусом. Важно понять, что между равенством, прописанным в законе, и равенством, достигнутым в творческом совместном жизнестроительстве двух близких духовно, физически и эмоционально людей, огромная дистанция, имеющая свои следствия и в культуре в целом, и в личном опыте каждого.

Список литературы

- Больш Н. 2014. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. Пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 272 с.
- Гегель Г. В. Ф. 1990. Философия права. М.: Мысль, 524 с.
- Гидденс Э. 2005. Социология. При участии К. Бердсолл. Пер. с англ. 2-е изд. допол. и переработ. М.: Едиториал УРСС, 632 с.
- Гидденс Э. 2004. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 208 с.
- Дифрейн Д. 2018. Американская семья сегодня: парадокс трансформации семьи на фоне сохранения прежних семейных ценностей. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 18. №1. С. 73-87. Doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87
- Ильин И.А. 1996. Путь духовного обновления. *Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1*. М.: Русская книга, 39-282.
- Захаров С. В. 2007. Трансформация брачно-партнерских отношений в России. *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП, С. 76-79.
- Надолинская Л.Н. 2008. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России). Автореф. ... дисс. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 43 с.
- Номеровская А.Д. 2015. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе. Дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. СПб: «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», 168 с.
- Эллиот П. 2001. Теории феминизма. *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия*. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, С. 93-125.
- Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 05.03.2024).
- Римашевская Н.М. 2009. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. Л.Г. Луныкова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. М.: Наука, 273 с.
- Паткуль А.Б. 2023. Интерсубъективность в контексте цифровой реальности: феноменологический подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. Т. 39. Вып. 4. С. 645–657. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.404>

- Скотт Дж. 2001. Гендер: полезная категория исторического анализа. *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия*. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, С. 405–436.
- Тоффлер Э. 1999. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 784 с.
- Тоффлер Э. 2004. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 557 с.
- Шарова В.Л. 2023. Человек гуляющий: walkability как фактор производства городской повседневности. *Человек. Т. 34. Выпуск №5* С. 53–69 . URL: <https://chelovek-journal.ru/s023620070028502-9-1/>. DOI: 10.31857/S023620070028502-9
- Шляпников В. В. 2023. Некоторые проблемы этики данных и этики социальных сетей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 39. Вып. 3.* 504–513. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.308>
- Щавлева А.С. 2024. Феномен постчеловека в парадигме современной культуры. *Человек и культура. № 1.* С. 71–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.1.40684 EDN: WXBGAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40684
- Olson D.H., DeFrain J., Skogrand L. 2018. *Marriages and Families: Intimacy, Diversity, and Strengths*. New York: McGraw-Hill Higher Education, 608 p. (In English)

References

- Bol'ts N. 2014. Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo [A reflection on inequality. Anti-Rousseau]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 272 p.
- Gegel' G. V. F. 1990. *Filosofiya prava* [Philosophy of law] Moscow: Mysl', 524 p.
- Giddens E. 2004. Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh [The Transformation of Intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies] St. Petersburg: Piter, 208 p.
- Giddens E. 2005. *Sotsiologiya* [Sociology] / Pri uchastii K. Berdsoyl: Per. s angl. 2-e izd. dopol. i pererabot. Moscow: Editorial URSS, 632 p.
- Defrain J. 2018. The state of the american family: the paradox of how families and family values are changing while staying the same. *RUDN Journal of Sociology*. 1(18): 73–87. Doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87
- Il'in I. A. 1996. Put' dukhovnogo obnoveniya [A path of spiritual renewal] *Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 1*. Moscow: Russkaya kniga, P. 39–282
- Zakharov S. V. 2007. Transformatsiya brachno-partnerskikh otnosheniy v Rossii [Transformation of marriage and partnership relations in Russia] *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*. Moscow: NISP, P. 76–79
- Nadolinskaya L. N. 2008. Konstruirovaniye gendernogo diskursa i strategii gendernogo partnerstva (Teoreticheskie predstavleniya i realii sovremennoy Rossii) [Constructing Gender Discourse and Strategies of Gender Partnership (Theoretical Representations and Realities of Modern Russia)] *Avtoref. ... diss. doktora filos. nauk*. Rostov-on-Don, 43 p.
- Nomerovskaya A. D. 2015. Issledovanie gendernoy identichnosti v filosofsko-antropologicheskoy perspective [Exploring gender identity from a philosophical and anthropological perspective] *Diss. na soiskanie uchenoy stepeni kand. filos. nauk*. St. Petersburg: «Sankt-Peterburgskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki», 168 p.
- Patritysiya Elliot. 2001. *Teorii feminizma* [Theories of feminism] *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya*. Kharkiv: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya, P. 93–125
- Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF 29 fevralya 2024 goda [Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation February 29, 2024] web
- Rimashevskaya N. M. i dr. 2009. Gendernye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya [Gender Stereotypes in a Changing Society: Experience of Complex Social Research]. Moscow: Nauka, 273 p.
- Patkul A. B. 2023. Intersubjectivity in the Context of Digital Reality: Phenomenological Ap-proach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 4 (39): 645–657. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.404> (In Russian)
- Skott Dzh. 2001. Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: a useful category for historical analysis] *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya*. Kharkiv: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya, P. 405–436.

- Toffler E. 1999. *Tret'ya volna* [Third wave] Moscow: Izdatel'stvo ACT, 784 p.
- Toffler E. 2004. *Shok budushchego* [Future shock] Moscow: Izdatel'stvo ACT, 557 p.
- Sharova V. L. 2023. Person Walking: Walkability as a Factor of Production of Urban Everyday Life. *Chelovek*. 5(34): 53–69. DOI: 10.31857/S023620070028502-9
- Shlyapnikov V. V. 2023. Some Problems in Data Ethics and Social Media Ethics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 3(39): 504–513. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.308> (In Russian)
- Shhavleva A. S. 2024. Fenomen postcheloveka v paradigme sovremennoj kul'tury'. [The posthuman phenomenon in the paradigm of contemporary culture] *Chelovek i kul'tura*, 1 (2024): 71–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.1.40684 EDN: WXBGAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40684 (In Russian)
- Olson D.H., DeFrain J., Skogrand L. 2018. *Marriages and Families: Intimacy, Diversity, and Strengths*. New York: McGraw-Hill Higher Education, 608 p. (In English)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.08.2023
Поступила после рецензирования 20.11.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received August 28, 2023
Revised November 20, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна, доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Elena V. Zolotukhina-Abolina, Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Тюрин Кирилл Александрович, аспирант, Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, Россия.

Kirill A. Tyurin, Post-graduate student, South Russian Institute for the Humanities, Rostov-on-Don, Russia.